

*Сначала так, с неловкостью, несмело. –
Жена на той неделе умерла.
Дочь что-то, между прочим, заболела.
Зашел бы. Как-никак... »
Я на него гляжу. Он козырек надвинул. «Э,
он плачет... »
... Спроси: «Как жизнь?» – ответит: «Ничего... »
Но это ничего еще не значит».
(Е. Винокуров. “Пустой обряд”)*

*Но печали неуместны!
И тоска не для него!..
Был бы голос! Ну а песни
Запоются! Ничего!
(Д. Самойлов. “Шуберт Франц”)*

*Я был простым солдатом
И вынес – ничего! –
В столетии двадцатом
Все тяготы его.
(Н. Старшинов. “Ушли к себе соседки...”)*

*Вы забывали, как живете,
Вы говорили: «Ничего».
И за обычными словами
Была такая доброта,
Как будто бог стоял за вами
И вам подсказывал тогда.
(А. Кушнер. “Когда я очень затоскую...”)*

Итак, отрицательные местоимения в поэзии обладают высокой степенью когнитивной значимости. Они передают состояние лирического героя (нарратора, повествователя), возникшее в результате осмысления некоторого положения дел,

понимания асинхронности локального и беспредельного, временного и вечного. Придавая отрицанию значение обобщенности, лирический герой проявляет особое восприятие событий жизни, считая их только фоном для экзистенциального понимания сути отрицания. Такова «тайна» лирического отрицания, организаторами и хранителями которой могут быть отрицательные местоимения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай А. Г. Что мы говорим, когда говорим «ничего...» / А. Г. Балакай // Русская речь. – 2000. – № 4. – С. 53–59.
2. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. – М. : Наука, 1986. – 206 с.
3. Очерки языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. – М. : Наука, 1993. – 238 с.
4. Очерки языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей. – М. : Наследие, 1995. – 558 с.
5. Синельникова Л. Н. Этюды из области местоименной поэтики // Местоимение в дискурсе: Монография / Л. Н. Синельникова. – Луганск: ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2009. – С. 207–374.
6. Фатеева Н. А. Заглавие и текст в русской поэзии конца XX века: параллельная динамика // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докладов междунауч. конф. (Москва, 4-7 апреля 2001 года) / Н. А. Фатеева. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 395–411.
7. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы / Н. Ю. Шведова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.

УДК 81-116.2

О.П. Просяник

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ (В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЗНАКА «НОВОГО» Ф. ДЕ СОСЮРА)

Просяник О.П.

ПРОБЛЕМА ЄДНОСТІ МОВНОЇ ЛЕКСИЧНОЇ ОДИНИЦІ (У СВІТЛІ ТЕОРІЇ ЗНАКА «НОВОГО» Ф. ДЕ СОСЮРА).

У статті розглянуто проблеми визначення форми, сутності лексичного знака, його однорідності. Репрезентована проблема єдності лексичної одиниці як семиотичної цінності

Ключові слова: знак, форма, значення, значимість, лексична одиниця

Просяник О.П.

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ (В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЗНАКА «НОВОГО» Ф. ДЕ СОСЮРА)

В статье рассматриваются проблемы определения формы, сущности лексического знака, его однородности. Представлена проблема единства лексической единицы как семиотической ценности

Ключевые слова: знак, форма, значение, значимость, лексическая единица

Prosiannyk O.P

THE PROBLEM OF LANGUAGE LEXICAL UNITY (IN THE LIGHT OF FDE SOSSURE'S «NEW» SIGN THEORY)

The article deals with the problem of establishing the form and the essence of lexical unit and its unity. The problem of lexical unit as semiotic value is also reviewed in the article

Key terms: sign, form, meaning, valeur, lexical unit

Проблема единства широко понимаемой лексической единицы (слова, фразеологизма, языкового клише) является одной из ключевых проблем языкознания, т.к. касается фактически вопроса конституирования знака и, до определенной степени, конституирования самого языка как знаковой системы средств коммуникации и экспрессии. Вопрос единства и самоидентифицируемости лексического знака может стоять не только в билатеральных концепциях, где проблематичным оказывается единство формы и содержания, но и в унитарных концепциях, в которых единство знака, хотя и сводится к стабильности материального субстрата – звукоряда или изобразительного ряда, но и эту стабильность надо каким-то образом обосновать, а затем объяснить стабильность ее ассоциативной связи с некоторым психическим содержанием, что, в свою очередь, заставляет задуматься над стабильностью этого самого содержания. Однако наиболее остро и явно эта проблема стоит в тех лингвистических теориях, где признается, как минимум, два положения – структурная неоднородность знака (содержание и форма) и его функциональная неоднородность (инвариантность – фактуальность). Решение этой проблемы становится возможным лишь в том случае, если мы признаем наличие в языковой деятельности стабильных единиц – единств. Открытым при этом остается вопрос, каков онтологический характер этих единств – субстанциальный («единство – это семиотическая субстанция, корпускула, атом, молада») или же реляционистический («единство – это функция, сгусток отношений, совокупность связей»). В свете этой проблемы, не решенной в языкознании до сих пор, актуальным остается поиск ответа на вопрос, как видел сущность лексического знака создатель лингвистической семиотики Фердинанд де Соссюр.

Традиционно (с опорой на текст «Курса общей лингвистики») считается, что знак состоит из означаемого и означающего, где означаемое — это не что иное, как понятие, а означающее — линейный акустический образ [2, с. 99-100], и, кроме того, означаемое отождествляется со значением [2, с. 147]. Еще одной важной особенностью традиционного толкования соссюрковского понимания знака является его субстанциальный характер: знак, равно как и язык, трактуется в «Курсе» как

некий предметный феномен, как двуструктурированная сущность, вещь «в себе и для себя», состоящая из двух половинок – понятия и акустического образа. Если знак включает в себя понятие и акустический образ звукового сигнального ряда, то он автоматически становится самодостаточной сущностью, ведь в нем содержится все, что нужно для онтологического бытия семиотической информации.

Все это существенным образом противоречит положениям, которые находим в работе Фердинанда де Соссюра «О двойственной сущности языковой деятельности» («De l'essence double du langage»), найденной в 1996 г. в фамильном доме лингвиста в Женеве и изданной в 2002 г. в Париже [3].

По «Курсу» знак нельзя представить как единство, т.к. понятие (психическая когнитивная сущность) не может соединяться с акустическим образом (психофизиологическим образом) в структурно и онтологически целостное единство, нелинейная психическая информационная иерархия и линейная последовательность психофизиологических ощущений не могут образовать единой и целостной структуры.

В «Курсе» находим фразу «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ» («Le signe linguistique unit non une chose et un nom, mais un concept et une image acoustique» [2, с. 99])¹. Предположим, что это высказывание было записано кем-то из слушателей лекций Соссюра с его слов, а не было придумано А. Сеше и Ш. Балли. Что означает эта фраза? Есть две возможности интерпретации – язык связывает понятие и акустический образ, включая их в себя (тогда связывает = объединяет = включает) или же язык связывает две внешних по отношению к себе сущности – понятие и акустический образ, т.е. является связующим звеном между ними. В «Курсе» ответ на этот вопрос дан в пользу первого варианта: «Мы предлагаем сохранить слово *знак* для обозначения целого и заменить термины *понятие* и *акустический образ* соответственно терминами *означаемое* и *означающее*; последние два терми-

¹ В другом месте эта же идея формулируется так: «Мы называем *знаком* соединение понятия и акустического образа» (с. 100)

на имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними самими, так и между целым и частями этого целого» [2, с. 100]. Но сколько соссюрсовской мысли в этой фразе, насколько она выражает дух его концепции, мог ли Соссюр сказать что-то подобное? Этот вопрос среди всего прочего нам и предстоит рассмотреть.

В примечании к фразе о языке как связи понятия и акустического образа издатели «Курса» написали интересную фразу: «Акустический образ является по преимуществу естественной репрезентацией слова, как факт виртуального языка вне какой-либо реализации его в речи» [2, с. 272], что следует интерпретировать таким образом, что акустический образ – не часть слова как виртуального языкового факта, а его виртуальная же репрезентация. Это довольно странное высказывание, т.к. если акустический образ – это часть знака (означающее), то он должен быть репрезентацией понятия (означаемого), а не слова как двустороннего знака. К тому же, создается впечатление, что в виртуальном языке (еще одно странное понятие – разве язык может не быть виртуальным?) слово обладает только одной репрезентацией, одним акустическим образом, а это, скорее, исключение, чем правило. Обычно слово в языковой системе обладает довольно большим количеством возможных репрезентаций – грамматических форм, каждая из которых может обладать своей фонетической репрезентацией. Иногда эти репрезентации – акустические образы – у форм одного и того же слова могут быть совершенно несходными (при супплетивизме или при существенных исторических изменениях). Заметим, что в другом месте «Курса» парадигматический (инвариантный) и информационный характер т.н. «означающего» подчеркивается более ярко: «означающее в языке бестелесно, и его создает не материальная субстанция, а исключительно те различия, которые отграничивают его акустический образ от всех прочих акустических образов» [2, с. 151].

В книге «О двойственной сущности языковой деятельности» фигурируют два сходных по смыслу термина: *figure vocale* (то есть звуковая фигура) и *pensée pure* и иногда *idée* (чистая мысль, понятие). Ни одна, ни вторая единица не признавались Соссюром собственно языковыми, он выносил их за пределы семиотической ситуации. Понятие – это предсемиотический объект означивания (например, идея, понятие о солнце, абстрагированное от языкового наименования), а звуковая фигура – внешнее по отношению к знаку звуковое представление, которое может сигнализировать о знаке, то есть выступать в роли сигнала в отношении знака. Показательно, что эта идея, эксплицитно выраженная в 7 и 8 разделах новой книги, содержится и в «Курсе». Только на нее почему-

то не обращают внимания: «Звуковая цепочка только в том случае является языковым фактом, если она служит опорой понятия; взятая сама по себе, она представляет собою лишь материал для физиологического исследования. То же верно и относительно означаемого, как только мы изолируем его от означающего. Такие понятия, как «дом», «белый», «видеть» и т. д., рассматриваемые сами по себе, относятся к психологии» [2, с. 135]. Здесь однозначно утверждается, что акустический образ может и не быть связанным с понятием, а понятие может и не быть связанным с акустическим образом. Это разнопорядковые и независимые друг от друга функции человеческого опыта. Только их значимое соединение порождает знак как новое семиотическое качество. Положения «Курса» в этом вопросе полностью противоречат книге «О двойственной сущности языковой деятельности». Издатели приписали Соссюру собственный панвербализм. Однако не смогли сделать этого последовательно. В одном и том же разделе «Курса» читаем: «В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собою аморфную, нерасчлененную массу. Философы и лингвисты всегда сходились в том, что без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка» [2, с. 144] и «(...) в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли; этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии» [2, с. 145].

Несложно заметить, что разделение означаемого и означающего невозможно не в принципе, а только в отношении языка (ведь язык – это связь между ними). Но это не значит, что разделение их вообще невозможно. Сами издатели утверждают, что такое разделение ведет «к чистой психологии либо к чистой фонологии», хотя на предыдущей странице утверждали, что чистая психология принципиально невозможна, так как различия в эту область вносит язык. Кстати, на разногласие «Курса» и «Заметок» по вопросу невербальности понятий как предсемиотических познавательных функций обратила внимание и Н.А. Слюсарева, отреагировавшая на утверждение Соссюра «Если бы какая-то из двух сторон языкового знака и могла существовать независимо, то это была бы понятийная сторона, понятийная основа знака» [1, с. 191] следующим комментарием: «Замечание об автономности мышления весьма примечательно, особенно при сопоставлении его с положением о том, что «мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собой

аморфную нерасчлененную массу» [2, с. 144]. Думается, что Соссюр вряд ли подписался бы под этими приписываемыми ему словами» [1, с. 217].

В еще более явной форме идею отнесения понятий к невербальной сфере опыта Соссюр выражает в его рассуждениях о границах языка, выделяя три информационные сферы опыта – «внелингвистическую сферу чистой мысли» (*domaine non linguistique de la pens e pure*), семиологию как «лингвистическую сферу знаков фонетического типа» (*domaine linguistique du signe vocal*) и фонетику как «лингвистическую сферу чистых звуков» (*domaine linguistique du son pur*) [3, с. 43-44]. Как видим, сам Соссюр довольно четко отмежевал сферу досемиотическую (понятия) от сферы собственно семиотической (знак) и от сферы постсемиотической (звуковая фигура).

Показательно, что в собственно знаковой структуре у Соссюра (и в дневниках, и в новой книге) мы вместо терминов *означающее* и *означающее*², а также вместо таких сущностей, как *понятие* и *акустический образ*, находим иную пару терминов-функций – *signification* (значение) и *forme* (форма). Что Соссюр имеет в виду под этими терминами, какие функции им приписывает, какие внутрзнаковые отношения усматривает между ними и какие внешние, внезнаковые отношения устанавливает между ними и вышеупомянутыми понятием и звуковой фигурой (акустическим образом)?

Значение определяется Соссюром как ключевой момент знака. Знак, по Соссюру, становится знаком только тогда, когда имеет значение. Лишенный значения знак как чистое акустическое представление превращается в звуковую фигуру, выносимую Соссюром за пределы семиотики. В «Курсе» на главенство значения в конституировании знака указывается явно: «Поток речи, взятый сам по себе, есть линия, непрерывная лента, где ухо не различает никаких ясных и точных делений: чтобы найти эти деления, надо обратиться к значениям» [2, с. 136]. Если вспомнить, что ранее издатели «Курса» настаивали на том, что означающее – не материальный звукоряд, а акустический

образ такого звукоряда, то становится ясной иерархия отношений в знаке – знак конституируется не тождеством плана выражения (поскольку таковое принципиально невозможно вне связи с понятием), а тождеством значения, поскольку именно оно и является информацией о понятии, называемом данным знаком. Это же положение находим и в дневниковых записях Соссюра: «Возьмем теперь лишнее жизни слово (его звуковую субстанцию): представляет ли оно собой по-прежнему тело, имеющее некую организацию? никоим образом, ни в коей мере» [1, с. 162].

Форма определяется Соссюром как функция выражения (отношение, дистинкция), онтологически принципиально тождественная значению и отличающаяся от него только тем, что организует звуковые фигуры, при помощи которых данный знак может быть репрезентирован в устной речи. Он многократно подчеркивает, что форма и значение это не две разные сущности, а одна и та же сущность, рассмотренная с разных сторон или же выполняющая различные функции: «Неверно (и невозможно) противопоставление *формы* *смыслу*. В отличие от этого, совершенно правильно противопоставлять, с одной стороны, звуковую фигуру, а с другой, – *форму-смысл*» [3, с. 18]³. Это очень важное положение, т.к. из него следует, что звуковая фигура – это качественно иная сущность, противостоящая знаку как единству и не входящая в его состав, форма же – принципиально однородна со значением. Но и это еще не все. Проблема определения формы, по Соссюру, – это проблема размежевания формы и звуковой фигуры. Соссюр выдвигает два базовых требования к форме, которые, по его мнению, не может выполнить звуковая фигура. Форма не может быть отделена от других форм того же знака, и форма не может быть отделена от своего значения [3, с. 30] (речь идет о понятийном, лексическом значении). Как это может быть осуществлено? Только таким образом, что каждая конкретная форма будет представлять собой не цепочку акустических образов, а, как минимум, информацию о такой цепочке, причем не актуальную, а потенциальную, поскольку актуальный акустический образ всякий раз может быть иным. Если бы форма знака была сопряжена только с каким-то актуальным акустическим образом, то, во-первых, мы бы не узнавали слов при их произнесении другими людьми, а во-вторых, не могли бы сами варьировать произношение одного и того же слова в разных ситуациях. К тому же, значимая связанность единичной формы с другими формами становится возможной только в случае, если все эти формы являются ментальными вос-

² Интересно, что в написанных рукой самого Соссюра «Ecrits» термины «означающее» и «означающее» (*signifiant* и *signif e*) использованы им только дважды и оба раза – в одном и том же тексте – заметках к третьему курсу лекций 1910-11 гг. Из этих двух фрагментов можно частично сделать вывод, что данные термины Соссюр действительно относил к понятию и акустическому образу, но нет никаких оснований или даже намек на то, чтобы полагать, что означающее и означающее понимались им как составляющие знака, т.е. как его значение и форма. Более того, фраза «Язык = сумма отношений между означающим и означаемым» [1, с. 189] свидетельствует в пользу нашей трактовки означающего и означающего как внешних сторон знаковой ситуации. Знак – не совокупность означающего и означаемого, а совокупность отношений между ними.

³ Ecrits..., p.18 („Il est faux (et impraticable) d'opposer la *forme* et le *sens*. Ce qui est juste en revanche c'est d'opposer la *figure vocale* d'une part, et la *forme-sens* de l'autre")

производимыми функциями. Звуковые же фигуры как функции психофизиологические по определению производимы и актуальны (они существуют здесь и сейчас, в конкретном пространственно-временном континууме внутренней речи). В итоге Соссюр приходит к весьма важным выводам: «форма никогда не является синонимом звуковой фигуры» и «единицы звукового порядка не являются языковыми единицами» [3, с. 82].

Знак, таким образом, это не суммарное объединение формы и значения, а целостное отношение или связь между понятием и звуковой фигурой или множеством звуковых фигур. Одна сторона этой связи обращена к понятию (общая разница значений, реализуемая в речи конкретным значением), вторая – ко множеству звуковых фигур (общая разница форм, реализуемая в речи конкретной формой). Но это стороны знака, его аспекты, а не составляющие. Связь между ними в генетическом отношении условная, произвольная – ничто не принуждает некоторое понятие связываться именно с таким набором звуковых фигур, но и звуковую фигуру ничто не принуждает связываться именно с этим понятием. Однако их объединение и создание таким образом знака (фактически – связи, отношения) порождает качественно новую ситуацию – функционального и структурного единства. Соссюр называет это новое качество лингвистическим тождеством (*une identité linguistique*) и считает его базовым понятием лингво-семиотики («Языковой факт не существует вне какого-либо отношения тождества» [3, с. 109]⁴).

Интересна метафора единства знака, используемая издателями «Курса» и самим Соссюром в новой книге. В «Курсе» – это метафора воды, у Соссюра – метафора воздуха. Обратимся к текстам:

«Эту двустороннюю единицу часто сравнивали с человеческой личностью как целым, состоящим из тела и души. Сближение малоудовлетворительное. Правильнее было бы сравнивать ее с химическим соединением, например с водой, состоящей из водорода и кислорода; взятый в отдельности каждый из этих элементов не имеет ни одного из свойств воды» [2, с. 135].

«Les éléments premiers sur lesquels portent l'activité et l'attention du linguiste sont donc non seulement d'une part des éléments complexes, qu'il est faux de vouloir simplifier, mais d'autre part des éléments déstitués dans leur complexité d'une unité naturelle, non comparables à un corps simple chimique ni davantage à une combinaison chimique, très comparables si l'on veut en revanche à un mélange chimique, tel que le mélange de l'azote et de l'oxygène dans l'air respirable; de façon que l'air n'est plus l'air

si on en retire l'azote ou l'oxygène, que cependant rien ne lie la masse d'azote répandue dans l'air à la masse d'oxygène, que troisièmement chacun de ces éléments n'est sujet à classification que vis-à-vis d'autres éléments du même ordre, mais qu'il n'est plus question d'air si l'on passe à cette classification et que quatrièmement leur mélange n'est pas impossible à classer de son côté» [3, с. 19].

Казалось бы, эти содержательно различные метафоры идентичны по смыслу. Но это не совсем так. Соссюр настаивает на том, что знак подобен не химическому элементу и даже не химическому соединению (как это представлено в «Курсе»), а именно химической смеси (*un mélange chimique*), чем подчеркивает реляционный (смежностный), а не субстанциальный (сущностно-холистический) характер семиотического единства. Сам Соссюр в «Заметках» подчеркивал со всей решительностью, что «языковой факт по своей сути не может состоять только из одной из указанных сущностей и для его существования необходимо наличие СООТВЕТСТВИЯ, но ни в коей мере СУБСТАНЦИИ или ДВУХ субстанций» [1, с. 129]. Этот пример показывает принципиальную разницу между двумя противоположными методологиями – субстанциональной (сторонниками которой были, судя по всему, издатели «Курса») и реляционистической (которую отстаивал Соссюр: «Любой языковой факт представляет собой отношение; в нем нет ничего, кроме отношения (...) У языковых сущностей нет никакого субстрата, они существуют, потому что различаются» [1, с. 197]). От этого ключевого методологического принципа не удалось уйти и издателям «Курса» – настолько всеобъемлющим является это положение в концепции Соссюра. Поэтому не только в «Заметках» или в новой книге, но и в самом «Курсе» можно найти неоднократное упоминание принципа методологического реляционизма: «Но поскольку язык именно таков, то с какой бы стороны к нему ни подходить, в нем не найти ничего простого: всюду и всегда он предстает перед нами как сложное равновесие обуславливающих друг друга членов системы. Иначе говоря, язык есть форма, а не субстанция» [2, с. 154] или «(...) в языке нет ничего, кроме различий. (...) в языке имеются только различия без положительных членов системы. Какую бы сторону знака мы ни взяли, означающее или означаемое, всюду наблюдается одна и та же картина: в языке нет ни понятий, ни звуков, которые существовали бы независимо от языковой системы, а есть только смысловые различия и звуковые различия, проистекающие из этой системы» [2, с. 152].

Весьма показательно, что в «Заметках по общей лингвистике», т.е. в черновиках Соссюра термин «субстанция» встречается 5 раз и всякий раз с негативной оценкой, т.е. Соссюр отрицает наличие субстанции в языке. В книге «О двойствен-

⁴ Правильнее было бы, однако, перевести соссюровское «fait linguistique» как «лингвистический факт»

ной сущности...» этот термин используется в отношении материи и как химическая субстанция, а один раз – в сочетании «лингвистическая субстанция» при обсуждении привычки использовать этот термин по отношению к языку [3, с. 82]. При этом Соссюр говорит о том, что не существует какой-то особой лингвистической субстанции, к которой сводились бы все лингвистические явления. Тем не менее, в «Курсе общей лингвистики» встречаем этот термин многократно, причем в сочетаниях, которые не оставляют у читателя никаких сомнений – субстанция в языке присутствует: «эти явления касаются лишь материальной субстанции слов» [3, с. 56], «В языке понятие есть свойство звуковой субстанции» [3, с. 136], «звуковая субстанция не является ни более определенной, ни более устоявшейся, нежели мышление» [3, с. 144], «В этих условиях проявляется тенденция рассматривать *honor* как модификацию, как «метаплазму» *honors*, из которой оно будто бы извлекло наибольшую часть своей субстанции» [3, с. 197], «Если иметь в виду субстанцию французской речи...» [3, с. 206]. «Аналогия ничего не извлекает из субстанции замещаемых ею знаков» (с. 211), «Прежняя субстанция получает новые функции» [3, с. 216]. Несложно догадаться, что издатели «Курса» сознательно или неосознанно проигнорировали **одно из фундаментальных методологических положений соссюровской теории – идею принципиальной реляционности, а субстанциальности языка и знака.**

Остановимся подробнее на проблеме бинарности знака – идее, традиционно считающейся чуть ли не эпохальным открытием и ключевым понятием в концепции Соссюра. Во всяком случае, таковой ее представляет «Курс». Сам Соссюр идею бинарности называет «обыденным взглядом», предлагая вместо нее свою, четверичную структуру внутрзнаковых отношений (см. раздел 7 книги «О двойственной сущности...»).

Итак, четверичная конструкция знака (понимаемого как знак языковой деятельности) состоит из двух двойственных отношений, связанных между собой по принципу «общее – частное», где общее – знак системный, а частное – знак в единичном конкретном применении. При этом ни в двойственную конструкцию единичного, конкретного знака, состоящую из отношения единичной сигнификации к единичной форме: «*Une signification (relative a une forme) – Une forme (toujours relative a une relative a une signification)*», ни в двойственную конструкцию целостного языкового знака, заключающуюся в соотношении двух рядов обобщенных различий – сигнификативных и формальных: «*Différence g n rale des significations (n'existe que selon la diff rence des formes) – Diff rence g n rale des formes (n'existant que selon la diff rence des significations)*», не вхо-

дит собственно звуковая или акустическая фигура – «*figure vocale*». Она вообще вынесена за пределы знака и относится к нему как некое второе (II) к первому (I), где первое – соотношение двух описанных выше отношений – и только оно может быть названо знаком. Согласно «новому» Соссюру, **знак – это одновременно принципиально однородное, но при этом двунаправленное значение, одно его направление – это информация об означаемом (понятии), а второе – это информация об означающих (возможных звуковых фигурах).** Этот тип двойственности знака можно назвать структурным или пространственным, поскольку в этом аспекте через знак фактически осуществляется объединение двух опытных пространств – когнитивно-интеллектуального (понятийной сетки) и чувственно-телесного (акустических представлений).

Но есть второй аспект двойственности знака – функциональный или темпоральный. Он касается соотношения инвариантной возможности и актуальной реализации. Описанные выше бинарные структуры взаимопределяют друг друга во временном отношении. Принципиальная разница пространственных бинарных структур состоит в том, что одна из них – речевая – это единство конкретного (актуального) значения и конкретной (единичной) формы (но не акустического образа), а вторая – языковая – единство двух парадигм (парадигмы значений и парадигмы форм). Таким образом, однородность знака состоит в том, что во всех своих проявлениях – как структурных, так и функциональных – вербальный знак всегда является психической сущностью, а не психофизиологической или физической (материальной).

В «Курсе» данное соссюровское положение получает весьма неожиданную и совершенно превратную интерпретацию. Издатели совершенно теряются в трактовке двусторонности знака, когда им приходится учитывать функциональную (темпоральную) перспективу: «*[речевая] единица – это отрезок звучания, который, будучи взятым отдельно, то есть безо всего того, что ему предшествует, и всего того, что за ним следует в потоке речи, является означающим некоторого понятия*» [2, с. 136]. Получается, что означающим понятия является акустический образ как речевая единица (до этого сами издатели толковали акустический образ как единицу виртуального языка, вне всякого речевого использования). Если так, то что тогда является языковой единицей? Означаемое? Понятие? Следуя этой логике можно утверждать, что знак – это двойственная единица, план содержания которой содержится в языке, а план выражения – в речи, язык при этом состоит из одних понятий, а речь – из одних акустических образов. А ведь в другом месте «Курса» утверждается, что «язык – это сокровищница акустических

образов, а письмо обеспечивает им осязаемую форму» [2, с. 52]. Все это следствие полного непонимания соссюрдовской концепции и стремления изложения каких-то случайно выхваченных из его рассуждений положений согласно собственной логике, совершенно чуждой данной концепции.

Отдельного обсуждения требует вопрос о линейности формы знака. О какой форме идет речь и как надо понимать идею линейности? В «Курсе» находим один небольшой фрагмент о линейности означаемого как фундаментальном принципе – одном из двух (наряду с произвольностью связи между означаемым и означающим). Если понятие произвольности (*arbitraire*) в новой книге Соссюра (и в заметках Соссюра в целом) встречается довольно часто (даже попало в предметный указатель), то понятие линейности каким-то чудесным образом там не упоминается ни разу. Странный факт, если принять во внимание, что это одно из двух «свойств первостепенной важности» [2, с. 100].

Если формой языкового знака является парадигма всех его возможных форм, то по определению она не может быть линейной в обыденно-научном понимании линейности. Понятно, что даже в грамматической парадигме может содержаться информация о линейной структурированности (например, о теме и пост- или препозитивных грамматических формантах, о линейной расчлененности и последовательности аналитических форм, наконец, информация о фонематической структуре морфем, из которых состоят эти тема и форманты и пр.). Однако, только в форме конкретного, актуализированного в речи знака можно найти некоторое подобие того, что обычно понимают под линейностью – последовательность звукового ряда. Форма словоформы – это информация о конкретной последовательности морфов, каждый из которых, в свою очередь, является дуальным явлением, т.к. содержит в себе информацию о выполняемой функции – деривативно-морфемной или морфологической и информацию о конкретной звуковой фигуре. Отсюда следует вывод, что форма словоформы (т.е. форма речевого знака) – в буквальном смысле не линейна. Линейна, или диахронична (в соссюрдовском понимании этого термина), т.е. протяженна во времени, лишь конкретная звуковая форма (иначе говоря, фонетическая речь). А речевой знак (в данном случае словоформа) – это единица не фонетическая, а грамматическая и семантическая. Например, в конкретно-единичной форме *ходили* содержится грамматическая информация о сказуемости, глагольности, несовершенности вида, претеритальности (прошедшем времени), длительности действия, множественности субъектов. Эта информация сопresentствует в форме данной словоформы одновременно, идиосинхронно, а не в какой-то диахронической линей-

ной последовательности. Линейная последовательность касается лишь того, что:

а) суффикс -л- должен находиться в морфемной структуре после основы *ходи-*, суффикс -и- – после корня *ход'*-, а флексия -и – после суффикса -л-,

б) что фонемы в корневом морфе должны следовать друг за другом в последовательности [х - д' - л'] и

в) что последовательность фонем всей этой морфемной цепочки оформлена в три слога с ударением на втором.

Но это уже информация о единичной звуковой фигуре, а не о форме данного речевого знака. Информация о конкретной форме – это то, что это глагол в форме несовершенного вида, прошедшего времени и множественного числа, выполняющий в предложении функцию сказуемого. Эта информация никак не может быть психофизиологической и не имеет непосредственного отношения к звуковой фигуре. **Таким образом, собственно линейной является не форма языкового или речевого знака, а форма всего вербального знака как такового, т.е. звуковая фигура.** Напомним, что Соссюр в ходе описания четверичной вербальной знаковой структуры заметил, что звуковая фигура может выполнять роль формы в отношении всей этой структуры как единого целого (в «Заметках» при обсуждении возможности применения к семиотике новых терминов «сема», «парасема», «сома» или «апосема» Соссюр пишет: «Апосема является оболочкой семы, а не значения» [1, с.149]; термин «апосема» у Соссюра – синоним звуковой фигуры, а «сема» – знака в системе).

Если учесть, что в одной из последних своих лекций он впервые применил термины «означаемое» (применительно к понятию) и «означающее» (применительно к звуковой фигуре), а знак при этом считал структурно-функциональным единством значения и формы в их языковой потенции и речевых реализациях, то нетрудно сделать вывод, что в семиотической ситуации следует выделять три ключевых актанта – тетрихотомическую структуру знака, понятие, которое эта структура означает, и ряд звуковых фигур, которые эту структуру означают в фонетической речи. **Таким образом, знак одновременно является означающим в отношении понятия и означаемым в отношении звуковых фигур.** И наоборот, понятие – это означаемое знака, а звуковая фигура – его означающее. Казалось бы, мы пришли к аналогичным выводам, что и составители «Курса», но это лишь кажущееся сходство. На деле же наши выводы диаметрально противоположны, т.к. знак при этом рассматривается исключительно как связующее звено между означаемым и означающими, но не включающее их в себя и не состоящее из них. Означаемое и означающее в этой новой трактовке

– не части знака, а стороны опыта, к которым он обращен.

Позволим себе еще раз обратиться к «Курсу», хотя его фактографическая ценность весьма проблематична. Тем не менее, ряд положений, содержащихся в этой книге, так или иначе совпадает с тем, что можно найти в дневниковых заметках или в «О двойственной сущности...». Нас заинтересовал пассаж, связанный с объяснением идеи ценности, которое опирается на параллелизм лингвистического отношения «означаемое – означающее» и экономического отношения «труд – заработная плата»: «В обеих науках речь идет о *системе эквивалентностей между вещами различной природы*: в политической экономии — между трудом и заработной платой, в лингвистике — между означаемым и означающим» [2, с. 113]. Наше внимание в этой фразе привлекла оценка составляющих обеих пар «вещами разной природы» (*choses d'ordres differents*). Но ведь всего тринадцатью страницами выше доказывалось нечто обратное – что означаемое и означающее имеют идентичную сущность – психическую. Решение этой проблемы состоит в том, что природа (в смысле сущности, онтологического порядка) понятия и акустического образа (или, точнее, звуковой фигуры) действительно различны. Именно поэтому они и не могут образовывать единства, но лишь вступать в семиотическое отношение смежности через посредника. **Этим посредником является знак, природа (сущность) которого однородна. Это информация: о понятии, о звуковой фигуре (звуковых фигурах) и об их значимой связи (valeur).** Стоит заметить, что идея установления аналогии между семиотикой и экономикой принадлежит самому Соссюру, а не его издателям, которые, судя по всему, эту идею не совсем поняли (ср. «Если рассмотреть, с одной стороны, предметы обмена, а с другой – образующие систему члены, то между ними не обнаружится никакого сходства. Свойством ценности является способность соотносить эти два ряда вещей») [1, с. 193]. Как видим, знак и язык в целом фактически определяется Соссюром как ценность, значимость.

Рассмотрим теперь проблему единства лексической единицы (слова, фразеологизма или языкового клише) как семиотической ценности в свете вышеизложенного понимания знака.

Языковой знак (т.е. система двух парадигм) является целостной функцией. Одно без другого не может быть, но чтобы быть этим, а не каким-то другим знаком, должна возникнуть целостность этих парадигм. Иначе говоря, встает вопрос, какие дистинкции входят в эту разницу дистинкций, а какие нет.

В случае парадигмы форм все просто – ее целостность обеспечивается местом в системе грамматики. Так, в глагольную парадигму не мо-

гут входить дистинкции существительного, поэтому *хождение, хождению* или *ходьбы, ходьбу* и пр. (даже при учете близости семантики) не учитываются в качестве дистинкций в общем различии дистинкций, составляющем форму языкового знака. При этом фонетическая общность или единство совершенно нерелевантна (доказательство – супплетивизм) – *идти – шел* или *я – мне*. Самое главное это единство парадигмы, т.е. системность дистинкций. Если система требует, чтобы была дистинкция *ходить – хожу – ходил*, то должна быть также *идти – иду – шел*; если есть системное требование, чтобы было *стол – стола – столу* или *стена – стены – стене*, то должно быть также *я – меня – мне, мы – нас – нам, он – его – ему*. Если есть системная необходимость, чтобы существовала комплементарность форм *мужчина – мужчины, зверь – звери*, то должно быть также *человек – люди*. В качестве вывода можно сказать, что то, какие существуют формальные дистинкции, и то, что предусматривает сама система различия дистинкций, – это необходимое и обязательное условие для каждой языковой системы и это никакого отношения не имеет к перцептивной стороне речи, т.е. к самим звуковым фигурам как линейным (диакроническим) последовательностям акустических образов.

Что же с планом содержания? Здесь также нет вольницы ни в выборе дистинкций, ни в целостности их различий, которая образует значение языкового знака. Все единицы языка по сходству и смежности семантики (парадигматически и синтагматически) образуют целостную семантическую систему. Они организуются в семантические классы (по сходству) – ономаσιологические категории и в семантические поля (по смежности). Если мы посмотрим на единицу *ходили* с семантической точки зрения, то вынуждены будем признать, что это не одна, а несколько семантических единиц, т.к. одна входит в класс «передвижение организма в пространстве», вторая «функционирование транспорта», третья – «работа механизма», четвертая – «социальная деятельность человека (все мы ходили в школу)» и т.д. Что это значит, что данная форма (= парадигма, общность различий) выражает разные понятия? Каково в таком случае значение этого знака? Или, может быть, это не один знак?

Значение – это отношение формы к понятию. Значит в каждом из перечисленных случаев одна и та же форма связана с каким-то конкретным значением, которое, в свою очередь, через парадигму значений связано с конкретным понятием. Не сложно осознать, что «передвижение организма в пространстве», «функционирование транспорта», «работа механизма» и «социальная деятельность человека» – это совершенно различные понятия, а значит и отношение между фор-

мой и понятием всякий раз образует иное значение. Отсюда простой вывод – каждая связь формы *ходили* с каждым из этих понятий – это всякий раз иной знак. При этом стоит обратить внимание также на характер парадигмы форм, в которую входит форма *ходили*. Ведь, например, нельзя сказать *хожу, ходим* в случае *ходить* «работать» (о часах или моторе) или в случае *ходить* «курсировать» (о поезде или автобусе). В этих случаях отличие знаков *ходили* 1 – *ходили* 2 – *ходили* 3 и т.д. обеспечивается не только единством парадигмы его значений, но и единством парадигмы его форм.

Дополнительного комментария требует также отношение между конкретным (речевым) значением и «общим различием значений» (т.е. языкового значения как парадигмы). Языковое значение – это единство семантических дистинкций, ведь по одному из определений Соссюра, языковая единица – это системное явление и существует только за счет множества своих парадигматических и синтагматических отношений с другими единицами в своем системном окружении («язык является системой, целиком основанной на противопоставлении его конкретных единиц» [2, с. 139], «Сема существует не только благодаря соединению фонизма и значения, но и благодаря корреляции с другими семами» [1, с. 149]⁵). А значит, совсем иные дистинкции обязательны для значения «функционировать» (о механизмах) и «курсировать» (о транспортных средствах), для «передвигаться конечностями» (о живых существах) и «участвовать в деятельности» (о людях). Дистинкции «ходить – бегать – ступать», «поступать – ходить – заканчивать», «ходить – сломаться» и «ходить – отменить» релевантны для совершенно различных семантических парадигм. Это со стороны парадигматики. Но то же самое (если не больше) происходит и со

стороны синтагматики – «ходить по дорожке», «ходить ногами», «ходить по маршруту», «ходить точно», «ходить в английскую школу» и под. Как видим, каждое из указанных языковых значений представляет собой набор совсем иных сем. Эти семы могут актуализироваться по-разному в речи, т.е. каждое из этих языковых значений может быть представлено в речевых знаках иным конкретным значением.

Общий вывод. Если языковой знак – это единство языкового значения и языковой формы, а языковое значение – это парадигма возможных речевых значений и отличительных признаков, отличающих его от других языковых значений, а языковая форма – это парадигма речевых форм и отличительных признаков, отличающих его от других языковых форм, то *ходить* – это не одно и то же слово с разными значениями, а разные слова. Каждое слово есть уникальное соединение некоего целостного значения (сводимого к одному понятию) и некоей целостной формы (сводящей в единую парадигму множество иногда различных звуковых фигур).

И в этом нет противоречия, т.к. язык – это функция соединения разума (единства) и чувственности (разнообразия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Вступит. статья и комментарии Н.А. Слюсаревой / Ф. де Соссюр. – М: Прогресс, 1990. – 274 с.
2. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – Москва: Прогресс, 1977. – 695 с.
3. Saussure F. de. *Ecrits de linguistique g n rale,  tablis et  dit s par Simon Bouquet et Rudolf Engler, avec la collaboration d'Antoinette Weil*, Paris, Gallimard, «Biblioth que des id es», 2002. – 353 p.

УДК 811.161.1'42

Т.А. Пономарёва

НОРМА И АНТИНОРМА В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Пономарёва Т.О.

НОРМА ТА АНТИНОРМА У СУЧАСНОМУ ПОЕТИЧНОМУ ТЕКСТІ.

У статті розглядаються особливості сучасної російської поезії, які пов'язані з порушенням мовної норми (синтаксичної, граматичної, словотвірної). Конфлікт між діючими в мові нормами і відхиленнями від них представляється типологічною рисою сучасної поезії.

Ключові слова: сучасна поезія, мовна норма, антинорма, узус.

Пономарёва Т.А.

НОРМА И АНТИНОРМА В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.

В статье рассматриваются особенности современной русской поэзии, связанные с нарушением

⁵ Семы Соссюр называл лексические знаки в языковой системе